

С учетом существующих тенденций сохранение исторической памяти, связанное с формированием гражданской позиции и патриотизма, возможны только в ситуации возвращения к достижениям модерна и «старой» системы образования. Сам принцип патриотизма (в современном его понимании) сформировался в эпоху Нового времени, в период формирования национальных государств. Доминирующие в условиях постмодерна идеологии космополитизма, мультикультурализма, «натурализма», трансгуманизма не предполагают существование национальных государств в качестве самостоятельных политических субъектов. Поэтому историческая память, национальные ценности в эпоху постмодерна перестают быть для подавляющего числа населения значимой ценностью, уступая место пирамиде постматериальных ценностей.

Соответственно, формируется следующая дилемма.

Вариант 1. Под воздействием объективных социально-экономических условий и изменений на рынке труда продолжить трансформацию системы образования в направлении сокращения теоретических и фундаментальных знаний, формирования узких профессиональных компетенций, практикоориентированности.

Вариант 2. Вопреки ходу истории сохранить все достижения классического университета
2.0. Увеличить количество и объем изучаемых гуманитарных и социальных наук на «младших» курсах как необходимых элементов сохранения исторической памяти, формирования национальных ценностей и гражданской культуры.

Список использованных источников:

1. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс; пер. с англ. А. М. Корбута. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
2. Тимощук, А.С. Общество без будущего (критика антиутопий) / А.С. Тимощук // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 88–91.
3. Четверикова, О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма [Электронный ресурс] / О.Н. Четверикова. – Режим доступа : <http://klex.ru/1384>. – Дата доступа : 14.05.2023.

*И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор,
БГУ, г. Минск
Iri_na2000@rambler.ru*

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА

Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступая основой для создания ценностей и смыслов и их транслятором будущим поколениям, и задает единый пространственно-временной континуум социального бытия как индивида, так и социальной группы, оказывая влияние на развитие человека и общества. В силу этого, историческая память, будучи разновидностью социальной памяти, присуща определенной социальной общности и функционирует в «социальных рамках».

Голландский философ Ф.Р. Анкерсмит анализирует историческую память в контексте проблематики исторического опыта. В работе «Возвышенный исторический опыт» [1] исследователь предложил отказаться от помощи языка как инструмента-проводника по лабиринту культуры и истории и обратиться к непосредственному опыту восприятия прошлого, без которого не возможна история и историческая память. В данном случае язык предстает как жесткая детерминирующая система, претендующая как на конструирование исторической реальности, так

и ориентирующая на бесплодный поиск «прошлого самого по себе», опасного тем, что оно не только не достижимо, но и вызывает ужас своей сверх- или вне-человеческой природой, открывая человеку его бесперспективность в смерти. Перед таким ужасом человек оказывается по ту сторону языка. Для Ф.Р. Анкерсмита истина в такой оценке языка и истории заключается в том, что «мы перестаем говорить, только когда умираем; когда нечего больше сказать, мы мертвы» [1, с. 6]. Именно поэтому голландский философ настаивает на возвращении в историю как науку и как нарратив исторического опыта. Только благодаря этому опыту история раскрывается как мир травмы и возвышенного, как то, что доступно восприятию, переживанию, а значит пониманию, запоминанию и рассказу.

Основным тезисом Ф.Р. Анкерсмита стала мысль о том, что «наше отношение к прошлому определяется через боль и утрату» [1, с. 4]. В этом контексте значимыми оказываются две темы: проблема исторической истины и историческая репрезентация, анализ которых осуществляется через измерение исторического сознания и исторического понимания. В целом данная проблематика сводится у Ф.Р. Анкерсмита к вопросу о том, что означает для человека обладание историческим сознанием, или, другими словами, что человека заставляет осознавать и помнить прошлое. Именно возвышенный исторический опыт конституирует прошлое как «неотвратимую» реальность и выступает инструментом для его осознания. Посредством опыта прошлое становится частью нас самих, частью нашей телесности; в таком случае забвение прошлого определяется как «интеллектуальная ампутация». Получается, историческая память – это и есть выражение нашей целостности.

Ф.Р. Анкерсмит провел различие между тремя типами исторического опыта: 1) объективный исторический опыт, под которым подразумевается представления людей прошлого о своем мире; 2) субъективный исторический опыт; 3) возвышенный исторический опыт как опыт обособления прошлого от настоящего, в котором только и возможно для прошлого обретения бытия. Человек ощущает себя частью того, что описывает, то есть ощущает разлад между настоящим и прошлым и испытывает отчаяние, вызванное утратой привычного мира. Такой опыт становится движущей силой для написания истории и ее объективации в исторической памяти.

Целесообразно отметить, что четких границ между этими типами опыта нет, более того, возвышенный исторический опыт сочетает в себе два первых типа. Возвышенный исторический опыт – это направленность на понимание, выражающаяся в ощущении настроения времени в акте «прислушивания» к нему, это резонанс с прошлым. В этом случае субъект и объект растворяются в опыте, и то, что оказывается за пределами этого опыта для человека уже не существует и не имеет смысла. «Исторический опыт – это не возвращение к изначальной невинности; напротив, его следует расположить после или за пределами исторического письма. Возвышенное выходит на подмостки лишь тогда, когда все уже сказано и сделано; оно не имеет отношения к истокам, основаниям, первопричинам и т.д. Это знак завершения, достижения конца» [1, с. 384]. Ф.Р. Анкерсмит сравнивает возвышенный исторический опыт с откровением: чистое переживание прошлого, высшая степень исторической интуиции. Чувства и настроения являются локусом исторического опыта.

Анализ исторического опыта и памяти выводит Ф.Р. Анкерсмита на проблему забвения. «Тот, кто требует от себя забыть, признается, что помнит» [1, с. 433]. Даже когда человек в отношении к прошлому пытается дистанцироваться от него или отделить часть исторического опыта от коллективной исторической идентичности, он вынужден помнить, удерживать в сознании то, что он забывает. Парадокс забвения заключается в том, что, стремясь забыть, человек оказывается тем, кем он уже больше не является, то есть его идентичность конституируется отказом от прежней идентичности. Ф.Р. Анкерсмит высказал точку зрения о том, что наша идентичность находится в прошлом, она исторична и формируется как историческим опытом, так и забвением. Для того чтобы постичь чью-то коллективную идентичность, необходимо написать историю этой группы. Ссылаясь на идеи Ф. Ницше о забвении, суть которых кратко можно

изложить следующим образом: забвение является условием успешного действия, знание же о прошлом парализует любое действие, приводит к пресыщению истории и невосполнимой потере коллективной идентичности, Ф.Р. Анкерсмит расширил понимание функциональной природы забвения. Голландский мыслитель классифицировал четыре типа забвения: 1) забвение истории повседневности; 2) непреднамеренное забвение, предмет и смысл которого возможно раскрыть через психологический сдвиг: увидеть то, что ранее не замечалось, то есть осуществить нечто на подобии психоанализа по отношению к историческому опыту и исторической памяти; 3) преднамеренное забвение прошлого, память о котором слишком болезненна; оно действует как вытеснение и при этом парадоксально, так как одновременно происходит как забвение, так и сохранение в памяти травматического опыта, потому что невозможно забыть то, что требуется забыть; 4) забвение как отказ от прежнего мира, потерянного навсегда. Такой тип забвения является условием обретения новой идентичности. Если с помощью третьего типа забвения от травмы можно избавиться, хотя бы на время, то четвертый тип забвения сохраняет травму, напоминая о чудовищной и невосполнимой утрате прошлого мира. Травма подобного рода будет с нами всегда как основание нашей новой идентичности: я уже не тот, кем был раньше, и этот новый мир непереносим для меня из-за утраты прежнего бытия. Другими словами, я не есть, но я знаю кем был. Такое забвение-память о травме является началом конституирования новой идентичности и коллективной памяти. Память начинается с забвения, вызванного «болью Прометея». В такой связи забвения и памяти прошлое из объекта «желания быть» трансформируется в объект «желания знать»; именно так рождается история, стремящаяся преодолеть разрыв между бытием и знанием. «Прошлое будет следовать за нами, как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так крайне мучительно присутствующая в нас» [1, с. 444].

Таким образом, историческая память – это пространство репрезентации, прерывающееся разрывами-забвениями, травмами как точками отсчета для нового самоописания, в котором «боль Прометея» становится морским узлом, привязывающим нас к прошлому, наделяющим коллективной идентичностью и дарующим право иметь будущее. Другими словами, человека нет без решительного принятия наследия истории как судьбы его народа.

Список использованных источников:

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : Издательство «Европа», 2007. – 612 с.

*В.А. Столярчук, студент
БГЭУ, г. Минск
vladstolyarchuk7@gmail.com*

БЕЛАРУСЬ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В контексте анализа темы исторической памяти как духовной основы белорусской гражданственности и государственности определённо стоит отметить тяжёлую историческую судьбу белорусского народа и белорусской земли, которая на протяжении всей своей истории крайне часто была под зависимостью от небелорусских государственных образований. Одним из таких периодов можно назвать промежуток между 1569 и 1795 годами, то есть эпоху существования Речи Посполитой.

Сегодня некоторые белорусские историки склонны романтизировать данный период как эпоху, когда белорусские земли были в составе одного из передовых и наиболее крупных по